

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Мильгунова Дмитрия Сергеевича «Когнитивный механизм коммуникативного сбоя в речевом взаимодействии», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

В фокусе диссертационного исследования, как отмечает его автор на с. 4-5, находятся факторы, которые детерминируют «механику возникновения сбоев в коммуникативном взаимодействии» (точнее, вероятно, было бы употребление понятия «механизм», применимого к внутреннему устройству системы и определению её функциональных свойств). Отсюда вытекает необходимость рассмотрения взаимосвязей представленного механизма с «внутренними психологическими процессами», в том числе с их репрезентацией и способами обнаружения на разных уровнях порождения речи.

Это серьезная и актуальная исследовательская цель. Вместе с тем её стилистическая формулировка (с.5) соискателем приводит к смысловой неточности, поскольку «понятийные концепции человеческого мышления» как результаты научной деятельности ни в коей мере не определяют «человеческое восприятие действительности и поведенческие реакции» и не могут быть причинами коммуникативных сбоев в реальном общении.

Актуальность поставленной цели потребовала формулирования теоретических оснований исследования, предполагающего опору на «достижения когнитивной психологии и когнитивной лингвистики» (с.5), и изучения коммуникативного сбоя как по существу междисциплинарного объекта.

Соискатель вполне осознает, что для реализации такой цели ему нужна методология, способная выявить специфику процесса самоорганизации сложной системы, каковой является коммуникация, а потому избирает лингвосинергетический подход.

И это требует формулирования нового, междисциплинарного **объекта**, которым в диссертации на деле является «когнитивный механизм возникновения сбоя в коммуникативном взаимодействии» (с.5), а **предметом** – его лингвистическое моделирование.

В исследовании доказывается **гипотеза**, согласно которой «когнитивный механизм коммуникативного сбоя есть системное имманентное свойство самой речевой коммуникации» (с.6), о чем свидетельствуют как параметры его механизма, выявленные соискателем (например, многофакторное взаимодействие устойчивых когнитивных конструкций), так и специфика речеповеденческой и речемыслительной деятельности участников коммуникации, отраженная в особенностях языковой репрезентации аргументативных, прагматических и семантических свойств высказываний.

Соискатель выделяет еще один параметр этого механизма – специфику структурирования когнитивных систем коммуникантов, и в перспективе он может быть более детально и аргументированно рассмотрен.

Анализ проделанной соискателем работы позволяет считать, что гипотеза в работе доказана.

Новизна исследования, **теоретическая значимость** и **практическая ценность** работы сформулированы автором адекватно целям работы и достигнутым результатам и подтверждаются анализом содержания работы.

Материал исследования, представленный во введении, значителен количественно (3258 высказываний) и репрезентативен содержательно, поскольку отражает разные коммуникативные стили.

Апробация работы представляется разноаспектной и достаточной.

В **первой главе** дается краткая характеристика традиционных подходов к изучению коммуникативного сбоя в речевом взаимодействии: логико-коммуникативного, прагмалингвистического, конвенционально детерминированного, когнитивно-деятельностного, междисциплинарного. Эта часть работы демонстрирует сложившиеся представления соискателя о характере научного контекста проблемы, выявляет способность работать с большими массивами теоретических данных, анализировать их критически.

Вместе с тем очевидны и некоторые неточности в понимании специфики методологии междисциплинарных исследований, связанных, на наш взгляд, с тем, что автор не учел важнейших в этой области философских и лингвистических работ российских (В.И. Аршинов, В.С. Стёпин, К.С. Карданова-Бирюкова и др.) и зарубежных исследователей (Матурана У., Варела Ф., D. Aerts, P. Cilliers, C.F. Kurtz, D.J. Snowden и многие другие). В них междисциплинарность рассматривается не как возможность при исследовании *традиционного* объекта использовать знания из разных научных областей и парадигм, а как исследование нового, *междисциплинарного объекта*, заданного с учетом специфических характеристик, не свойственных парадигмальному объекту, требующего холистического, в частности синергетического, рассмотрения. Такой объект в работе задан – коммуникативный сбой, и, более того, осуществлены поиски его собственно междисциплинарных характеристик, что является серьезным результатом для кандидатской диссертации.

В параграфе 1.3 представлен наиболее важный для соискателя фрагмент научного контекста, призванный обосновать синергетический подход к изучению коммуникативного сбоя. Автор диссертации предлагает отделить явление коммуникативного сбоя от внешне сходных явлений, настаивая на наличии у коммуникативного сбоя специфических характеристик. Соискатель также полагает, что с помощью синергетической методологии и обслуживающего ее концептуального аппарата можно описать

«функционирование когнитивных механизмов участников коммуникации» (с.43) как единый и закономерный процесс.

Одним из факторов, методологически переводящим проблему коммуникативного сбоя в синергетическую парадигму, Д.С Мильгунов считает динамику, детерминирующую жизненный цикл сложных систем. Динамика порождается внутренним устройством систем, структурно способных самоорганизовываться под воздействием внешних факторов.

Излагая принципы функционирования и свойства открытых диссипативных систем, автор обращается к ряду исследователей, уже применявших их в работах. Но выделенные свойства – это общие методологические представления о таких системах, и использование их в лингвистике требует создания так называемых теорий второго порядка – собственно лингвистических концепций, которые продемонстрируют, как можно применять всё представленное соискателем в реальном анализе языкового материала. Трудно ожидать перехода от общих методологических рассуждений к построению оригинальной лингвистической концепции – как правило, они создаются в докторских исследованиях, но очень важно, что соискатель осознает характер проблемы.

Соискатель предлагает расширить имеющуюся модель коммуникативного сбоя «за счет когнитивного речеповеденческого фактора», и это очень важно, но требует теоретического обоснования и выделения *лингвистических* параметров изучаемого объекта, способных фиксировать коммуникативный сбой и дающих возможность его обнаруживать.

Поэтому вывод в конце параграфа 1.3 о «речеповеденческом факторе» как некой интегральной величине на грани «между лингвистическими и экстралингвистическими факторами», с одной стороны, демонстрирует попытку соискателя найти лингвосинергетические параметры изучаемого объекта – и это очень ценно, с другой – требует соотнесения с некими новыми единицами анализа, без формирования которых лингвистический анализ языкового материала принципиально не выводим за парадигмальные пределы.

Не вполне точным представляется изложение в главе психологической позиции Л.С. Выготского: он подчеркивает не связь, а нерасторжимое единство мышления и речи, говорит о *речемыслительном процессе*, об осуществлении «*речи-мысли*», пытаясь представить совершенно новый взгляд в условиях отсутствия новой терминологии, по необходимости опираясь на старую.

Не вполне понятно, зачем автор подробно излагает общеизвестную концепцию Н.И. Жинкина, давно осознанную и нашедшую применение в ряде психолингвистических работ (см., например: работы К.С. Кардановой – Бирюковой и её учеников, строящих теорию коммуникации на основании свойств открытых нелинейных систем), если в дальнейшем из нее не вытекает представление о значимых для соискателя *параметрах* коммуникативного

сбоя. Концепция универсально-предметного кода разработана также Н.И. Жинкиным, а не И.Н. Гореловым, который только опирается на нее в своих работах. Неточным представляется понимание ряда положений Л.С. Выготского и И.Н. Горелова. В частности, соискатель пишет: «механизм оперирования данными гештальтными конструкциями имеет сугубо индивидуальную природу и не обнаруживает формально-логических связей в силу того, что конструкция усваивается и используется индивидом в отрыве от существующего контекста понятия» (с. 59). Здесь, по крайней мере, сомнительно утверждение об индивидуальной (а не субъективной!) природе механизма гештальта (он обусловлен как раз общей нейрофизиологической основой), поскольку в этом случае была бы невозможной антиципация. Но, возможно, такие неточности возникают в силу стилистических неточностей в тексте.

Не ясна логика соискателя, который в параграфе под названием «Специфика когнитивных операций в работах отечественных исследователей в контексте синергетического подхода» рассматривает большей частью концепции психологов первой половины XX в., которые никогда не занимались исследованием когнитивных операций, не исповедовали синергетического подхода и по методологии своей не могут быть в неё вписаны, хотя своими трудами заложили психологические основы теории речевой деятельности.

Возможно, следовало бы акцентировать основания, по которым такие разные *понятия* (стереотипический паттерн, речемыслительная схема), *механизмы* (формирование и оперирование гештальтами), *процессы* (речепорождение) объединяются автором в категорию управляющих систем, да и сама *лингвистическая* сущность этой категории. Представляется также, что надежды на «использование *описательного метода* лингвосинергетики» (там же) безосновательны, поскольку в настоящее время лингвосинергетика не обладает разработанными методами, а предлагает пока только различные попытки *методик* анализа языкового материала на основе синергетической методологии.

Несмотря на перечисленные неточности, основной вывод первой главы воспринимается как осознанная позиция соискателя, обусловленная пониманием «коммуникации как открытой системы, находящейся в состоянии динамического баланса между различными режимами функционирования» (с.71).

Поэтому от **второй главы** «Методологические основания изучения когнитивного механизма коммуникативного сбоя в речевом взаимодействии» логично ожидается обоснование авторской позиции, тем более что сам соискатель собирается использовать «конкретные методологические наработки и модели при условии непротиворечивого описания рассматриваемых явлений» (с. 74). Здесь представлены известные свойства и принципы диссипативных

систем, намечено их соотнесение со свойствами и принципами изучаемого объекта.

Во второй главе соискатель вновь обращается к характеристике синергетической методологии, по сути, продолжая описание научного контекста проблемы, хотя в главе первой уже есть раздел, посвященный истории развития представлений о явлении коммуникативного сбоя в контексте основных лингвистических учений. В главе обнаруживается неточное толкование сущности некоторых методологических принципов синергетики. Так, соискатель пишет: «интерес представляет как раз отношение импульсов внешней среды к процессу, поскольку они задают детерминирующий вектор изменений, оказывающих влияние на функционирование всей системы» (там же). На деле же, согласно методологии синергетики, любой импульс среды только *начинает* (вызывает) процесс самоорганизации, а вот детерминируют его структурные отношения элементов. И это принципиально для лингвосинергетики.

Присутствуют и другие высказывания, свидетельствующие о смешении уровней описания и нарушении логики: «На наш взгляд, в случае описания коммуникации нелинейность данного процесса проистекает из невозможности однозначного и непротиворечивого описания данного процесса в контексте линейной логики» (с.75). Здесь нелинейность реального *процесса* коммуникации выводится из нелинейности его *описания*. В другом месте, уже в выводах, в качестве «ключевых категориальных характеристик» (с. 175) коммуникативного сбоя называются иерархическое положение элементов, их структурная конфигурация и... влияние внешней среды на формирование структурных отношений в системе, тогда как последнее очевидно относится лишь к факторам, *влияющим* на конфигурацию элементов системы.

Смещение способа описания и единиц описания обнаруживается в ряде фрагментов главы, например, на с. 77, соискатель перечисляет в одном ряду как единицы мышления семантические примитивы, условно-предметный код, типовой способ описания и др. Однако перечисленные научные понятия не только не претендуют на статус единиц мышления, но являются терминами для описания разных сторон и уровней мыслительной деятельности. Присоединяясь к общеизвестному тезису о том, что «язык с феноменологической точки зрения неотделим от материального существования человеческого вида» (с. 77), автор диссертации почему-то обращается к работе Н.И. Жинкина 1958 г., хотя огромное количество современных нейролингвистических работ, отечественных и зарубежных, более однозначно демонстрирует подтверждение этого общеизвестного и не отвергаемого никем тезиса исследованиями фМРТ и др. методами нейровизуализации.

В параграфе 2.2. идет речь, по сути, о теоретическом ядре работы – о параметрах синергетического моделирования коммуникативного сбоя, хотя соискатель не вполне строго называет их принципами организации модели.

(Организация, в соответствии с любой синергетической теорией, четко различающей организацию и структуру системы, характерна всё же для *системы*, а не для модели).

Здесь в полной мере проявляется креативность мышления и оригинальность позиции соискателя: Д.С. Мильгунов выделяет специфические *структуры системы*, репрезентирующие акторов, дискурсы, прагматические цели (векторы), конфигурации внешней среды как *структурные компоненты модели* коммуникативного сбоя. Это представляется весьма удачной попыткой нахождения новых единиц анализа, которые характеризуют действительно междисциплинарный объект. (Заметим попутно, что оппонент по сути исправляет только стилистическую неточность соискателя, приводящую к возможному возражению против представленных компонентов модели: автор диссертации опускает принципиально необходимое здесь причастие *репрезентирующие*. Кроме того, возможно, надо было строже продумать номинации этих структур, чтобы не вызывать ненужной настороженности против употребления терминов *дискурс, конфигурация внешней среды*, и без того отягощенных массой неоднозначных коннотаций.)

Интересно и теоретически значимо выделение иерархических уровней выделенных структур: системы когний (почему-то ограниченной связями и отношениями единиц универсально-предметного кода) как оператора интерпретации; когнитивных паттернов, или речемыслительных схем ответной (почему только ответной?) реакции как операторов интерпретации среды; периферийных понятийных конструкций, детерминированных социально; эмерджентных структур. В этой связи и *определение* коммуникации (не модель!), данное соискателем, отражает его попытку представить исследуемый процесс в терминах синергетической парадигмы. Классификация факторов, способствующих возникновению коммуникативного сбоя, представляется оригинальным, новым и логичным элементом текста, и очень жаль, что они не включены в положения, выносимые на защиту, как, впрочем, и сама модель коммуникативного сбоя. Именно она составляет действительную теоретическую значимость работы и свидетельствует о серьезном уровне осознания поставленной проблемы, об адекватности притязаний соискателя на научную степень.

Третья глава призвана проиллюстрировать предложенную модель коммуникативного сбоя языковым материалом. Анализ осуществляется хотя и с использованием ряда синергетических терминов, но без принципиального изменения принципов интерпретации, принятых в системно-структурной парадигме, и ее качества, обнаруженного в других моделях, в том числе реализующих так называемые комплексные методики. Такой путь доказывания жизнеспособности созданной модели коммуникативного сбоя вполне возможен, хотя и несколько ограничивает интерпретативную силу модели. Однако, как уже отмечалось, едва ли корректно требовать от соискателя

разработки последовательного метода собственно лингвосинергетического исследования.

Таким образом, основные результаты работы состоят в следующем: 1) представлена самостоятельная модель коммуникативного сбоя, выделены её основные когнитивные составляющие, доказана их иерархичность; 2) коммуникативный сбой впервые задан как междисциплинарный объект, попытки определения его параметров в основном можно признать удачными; 3) выделен класс коммуникативных сбоев, ключевыми категориальными характеристиками которого является характер воздействия на специфику течения процессов в рамках системы, их динамику, а также системную организацию элементов; 4) коммуникативный сбой рассматривается не только как имманентное свойство коммуникации, но и как параметр эволюции системы; 5) показано воздействие устойчивых когнитивных конструкций на осуществление коммуникации.

Все частные замечания могут быть сведены к следующим.

1. Хотя некоторые важные специфические свойства коммуникативного сбоя как *междисциплинарного* объекта определены, его структурные элементы выделены, но по сути интерпретация языкового материала осуществляется в традициях системно-структурной парадигмы. Принципы диссипативных систем проецируются на коммуникативный сбой, но методологической обработки понятий, заимствованных из другой парадигмы, при этом не происходит: «лингвистичность» параметра (принципа, свойства) не определяется и не аргументируется.
2. Вместе с тем это очень трудная задача для кандидатской диссертации, поэтому замечание можно расценивать как указание на перспективу исследования, которая позволит разработать методику анализа материала, адекватную сформулированной модели, тем более что синергетика и междисциплинарность предполагают создание специфического объекта с *новыми* параметрами исследования, которые не могут быть изучены дисциплинарными методами.
3. Концептуальный аппарат, используемый в работе, пока не является системным, часто используется нестрогое (например, синонимичными выступают термины *коммуникативный* и *коммуникационный*, *механика* и *механизм*, на одном уровне описания могут быть использованы нейрофизиологические, психологические, лингвистические термины и др.). Не разведены научные понятия, интерпретирующие структурные *элементы* изучаемого объекта, *процессы*, происходящие в нем, *факторы*, воздействующие на него. Оппонент, однако, вполне осознает методологическую сложность такой работы и выражает уверенность в ее решении соискателем в будущем.
4. Языковой материал, представленный в работе, используется как иллюстрация акцентированных ранее теоретических положений

- задаваемого синергетического подхода и не отражает качества и количества материала, заявленного во введении.
5. Положения, выносимые на защиту, слишком общие и не вполне представляют сделанную автором большую самостоятельную работу и несомненную новизну исследования.
 6. Не ясны основания неожиданно расширительного толкования научного понятия коммуникативного сбоя на с. 177, когда под ним понимается любое состояние системы, отличное от первоначального. В этом случае понятие коммуникативного сбоя становится излишним, а любое состояние системы, отличное от первоначального, покрывается термином *эволюция системы*

Технически текст в основном соответствует требованиям, предъявляемым к диссертационным исследованиям. Отметим стилистические неточности, приводящие к неточностям смысловым. Так, автор диссертации пишет, что «в качестве ведущего *метода* исследования использована *методология* лингвосинергетики...» (с.8).

Не всегда названия параграфов соответствуют излагаемому в них материалу. Так, параграф 1.4.2. «Специфика когнитивных операций в работах отечественных исследователей в контексте синергетического подхода» включает и работы зарубежных исследователей, хотя их рассмотрение задано в предыдущем параграфе. На наш взгляд, некорректно в анализе научных дефиниций терминов пользоваться толковыми словарями – необходимо исследование научных контекстов, в которых исходные для терминов лексемы могут претерпеть ряд сложнейших семантических преобразований, или специальных словарей (с.35). Иногда автор выходит за пределы научного стиля (например: «Так, особенности порождения высказывания, или построения аргументативной стратегии, *достаточно неплохо* прослеживаются на материале» (с. 14) и др.). Не учтены знаковые для развития лингвосинергетики работы К.С. Кардановой-Бирюковой и В.Ф. Хайдаровой, которые помогли бы автору избежать некоторых противоречий.

Высказанные замечания не умаляют результатов работы соискателя, а свидетельствуют лишь о том, что к тексту представленной на защиту диссертации можно подходить с самыми высокими требованиями как к серьезному и самостоятельному научному исследованию.

Автором диссертации выполнены квалификационные требования, связанные с апробацией результатов исследования. По теме диссертации опубликовано 6 работ, в том числе 4 статьи в изданиях, включенных в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук». Публикации по теме диссертации раскрывают положения, выносимые на защиту.

Автореферат диссертации и опубликованные статьи полно отражают основные принципы и содержание проведенного исследования.

На основании вышеизложенного можно заключить, что диссертационное исследование Мильгунова Дмитрия Сергеевича «Когнитивный механизм коммуникативного сбоя в речевом взаимодействии» является самостоятельным, завершенным исследованием и соответствует требованиям пп. 9-14, изложенным в действующем «Положении о присуждении ученых степеней», утвержденном Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г., № 842, а его автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук (специальность 10.02.19 – теория языка), профессор, главный научный сотрудник Центра эмерджентных практик Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (г. Москва)

Вера Анатольевна Пищальникова
19.03.2026 г.

Контактные данные:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (г. Москва) 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, 51/21

Тел. 8 (499) 128-06-43

Адрес электронной почты: office-inion@mail.ru

Официальный сайт организации в сети «Интернет»: <https://inion.ru/>

Подпись главного научного сотрудника Центра эмерджентных практик Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, доктора филологических наук, профессора В.А. Пищальниковой заверяю.

